

Л. А. Яковлева

**АПОКАЛИПСИЧЕСКИЕ ПОДТЕКСТЫ В ПОЭЗИИ
А. АХМАТОВОЙ 1930-Х ГГ.**

Ощущение дисгармонии, катастрофичности мира, экзистенциально-эсхатологические темы нарастают в литературе XX века, в творчестве поэтов Серебряного века. Творческая эсхатология, поиск нового Града (см. поэму Анны Ахматовой «Путем всея земли» («Китежанка»)) сплетаются с катастрофическим мироощущением. В. М. Раков в статье, посвящённой атмосфере Серебряного века, отмечает: «Социальный фон культурной ситуации конца XIX – начала XX века был очень тревожным, в сущности – предкатастрофичным. Эсхатологические пророчества Брюсова, Мережковского, Блока и др. не были ни неожиданными, ни единичными, они были частью общей культурной тревоги, вскоре оправдавшейся вполне» [3, с. 3].

И это неслучайно, ведь 1930-е годы прошлого столетия были отмечены в нашей стране как годы Большого Террора. Эти годы стали высшей точкой репрессивной политики И. В. Сталина, пиком политических преследований в СССР. Предпосылкой столь жестоких преступлений принято считать убийство С. М. Кирова 1 декабря 1934 года. В тот же день ЦИК СССР принял постановление «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик».

Лидия Чуковская в «Записках об Анне Ахматовой» написала: «Даже сейчас, через тридцать лет после ежовщины, когда я пишу эти строки, власти не терпят упоминания о тридцать седьмом. Боятся памяти. Это сейчас. А что же было тогда? Преступления еще были свежи; кровь в кабинетах

следователей и в подвалах Большого Дома еще не просохла; кровь требовала слова, застенков – молчания...» [4, с. 103].

А. Ахматова не могла остаться равнодушной к происходящему: ведь репрессиям были подвергнуты ее родные и близкие: первый муж Н. С. Гумилев расстрелян без суда и следствия в 1921 году; Н. Пунин, спутник её жизни в 1930-е годы, погиб в лагере в 1953 году; сын Л. Н. Гумилев был трижды арестован, провёл в заключении более 13 лет. Ее друзья О. Э. Мандельштам и Б. А. Пильняк погибли в 1938 г. в лагерях. В свете этих фактов мы не можем не понимать, что А. Ахматова одна из немногих написала об этой трагедии своих современников.

/124/ Следует отметить, что она не только оплакивала невинно убиенных – она видела свою задачу в изобличении тех сил, на которых лежит вина за всё происходящее. Написать об этом она могла только иносказательно, ведь она понимала, что не сможет опубликовать ни «Реквием», ни другие произведения, в которых она поминает своих близких и друзей, оплакивает гибель родных и арест сына.

Отсюда и мифопоэтические проекции на евангельские тексты и прежде всего на «Откровение Иоанна Богослова». В ахматовской интерпретации время Большого террора в России – это «власть зверя», Антихриста, потому что именно в «Откровении Иоанна Богослова» мы встречаем эсхатологическую версию прихода к власти «зверя» как предвестие апокалипсиса: «Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него – как у медведя, а пасть у него – как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть» (Откр., 13: 2–3).

Этот фрагмент Откровения фактически дословно перекликается со стихотворением о палачах, застрельщиках Большого Террора «И яростным вином блудодеянья...»:

И яростным вином блудодеянья
Они уже упились до конца.
Им чистой правды не видать лица
И слезного не ведать покаянья. [1, с. 302]

Употребленное Ахматовой местоимение множественного числа 3-го лица в этом стихотворении является неким собирательным целым, сошедшим со страниц апокалипсиса. «Они» – это люди, которые отпали от Бога, они пьяны своею властью. Власть их абсолютно изменила, лишила человеческого, то божественное, что есть в человеке, их покинуло навсегда. Ср.: *«...пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу... ибо яростным вином блудодаяния своего она напоила все народы...»* (Откр., 18: 2–3).

Стихотворение «С армянского» (1937) построено на древнем мифологическом коде. Приведем все стихотворение полностью:

Я приснюсь тебе черной овцою
На нетвердых, сухих ногах,
Подойду, заблею, завою:
«Сладко ль ужинал, падишах?

/125/ Ты вселенную держишь, как бусу,
Светлой волей Аллаха храним...
Так пришелся ль сынок мой по вкусу
И тебе, и деткам твоим?» [1, с. 256]

Стихотворение спроецировано на автобиографическую ситуацию: оно было написано в 1930-е годы, а в 1935 г. в первый раз арестовали ее сына. Ахматова понимала, что сына (об этом писал и Л. Н. Гумилев) посадили из-за матери. «Я отсидел восемь лет за отца и столько же за мать», – скажет позже Лев Гумилев.

Образ черной овцы восходит к архетипу жертвенного овна, который был символом жертвы в Ветхом и Новом Завете: «Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригушим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» (Исайя, 53: 1–7), «И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?» (Быт, 22: 7–8).

Здесь, возможно, идет отсылка к тому, что и у армянских христиан мог возникнуть этот образ. Однако жертва эта напрасна, поскольку человеческих жертв не было. Ахматова одухотворяет этот образ, это материнская жертва. Вспомним стихотворение «Молитва»:

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар... [1, с.99]

Во-вторых, сакральная жертва – добровольная, здесь же мать никто не спросил. Обратим внимание на мотив, который связан с указанием на вероисповедание Властителя: он не христианин, но он абсолютный властитель. Помимо Христа это мог быть только Антихрист. Приход Антихриста, которому все поклоняются, кому приносятся жертвы, – это тоже предвестие апокалипсиса.

Заметим, что в синоптических евангелиях звучит пророчество Иисуса Христа о том, что к власти придут лжемессии, которые будут выдавать себя за пророков, потом придет Антихрист. В Евангелии от Матфея сказано: *«Тогда, если кто скажет вам: «вот, здесь Христос», или «там», – не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, /126/ и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам. Итак, если скажут вам: «вот, Он в пустыне», не выходите: «вот, Он в потаенных комнатах», – не верьте. Ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого»* (Мф, 24: 23–27).

Л. Г. Кихней в статье «Эоническое и апокалипсическое время в поэтике акмеизма» отмечает: «... Ахматова разоблачает его <падишаха – Л.Я.> как абсолютно противное человеческой природе существо. Жертва всё-таки принесена, но не бескровная, христианская, а человеческая, языческая – жертва Молоху» [2, с. 52].

Подобная же «власть зверя» отражена в стихотворении «Зачем вы отравили воду...» (1935):

Зачем вы отравили воду
И с грязью мой смешали хлеб?
Зачем последнюю свободу
Вы превращаете в вертеп? [1, с.255]

Пособники Антихриста, которых Ахматова узнаёт в деятелях Большого террора, уничтожают, по Ахматовой, жизнь и человеческую свободу. Знаменательно, что в поэме-цикле «Реквием» поборники «власти зверя» обретают конкретно-реалистический и в то же время обобщающе-символический облик.

Так, в строках *«...Звезды смерти стояли над нами,/ И безвинная корчилась Русь / Под кровавыми сапогами / И под шинами черных марушь...»* [1, с. 197] Ахматова воссоздает реальную ситуацию тех страшных лет, когда невинных людей увозили на машинах для арестованных на допросы, откуда живыми практически никто не вернулся. Другим таким штрихом к портрету апокалипсической эпохи является метонимический образ палачей: *«...верх шапки голубой / И бледного от страха управдома...»* [1, с. 200], – известно, что сотрудники НКВД носили фуражки голубого цвета.

Пережитое Анной Ахматовой в эти годы нашло отражение не только в «Реквиеме», но и в «Поэме без героя», и в цикле «Черепки», и в ряде лирических стихотворений разных лет. Анна Ахматова была уверена, что «власть зверя» не может быть вечной: ее поборников ждет наказание, прежде всего, проклятие потомков. А главное, она /127/ сама их обличает в стихотворении «Защитникам Сталина», встраивая сталинские злодеяния в историческую перспективу:

Это те, кто кричали: «Варраву
Отпусти нам для праздника», те,
Что велели Сократу отраву
Пить в тюремной глухой тесноте.

Им бы этот же вылить напиток
В их невинно клеветущий рот,
Этим милым любителям пыток,
Знатокам в производстве сирот. [1, с.248]

Ахматова, написавшая это стихотворение в 1962 году, в период «оттепели», выступает как бы от лица потомков. Но вместе с тем она уверена, что преступления сталинской эпохи еще не получили достойного общественного порицания (какое получили преступления нацистов на Нюрнбергском процессе).

Во всех известных нам историософских эсхатологических концепциях (иудейской, христианской и мусульманской) сюжет, связанный с концом света, обусловлен греховностью людей, нарушивших божественные заповеди. Этот сюжет осложняется не только прологом «предсказания» и соответствующей фигурой предсказателя, но и коллизией искупления грехов. Вот почему аллюзия в конце цикла на образ Иисуса Христа и его добровольную жертву – не только дань историософской традиции, но и указание того пути, по которому должны пойти русские люди, российские поэты, спасти Россию от гибели.

Список литературы

1. Ахматова А. Соч.: В 2 т. М.: Правда, 1990. Т.1.
2. Kikhney L. Эоническое и апокалипсическое время в поэтике акмеизма // Modernités russes № 10: Le temps dans la poétique acméiste. Lyon: Lyon III-CESAL, 2010.
3. Раков В. М. Философия Серебряного века между прошлым и будущим // Два рубежа. Пермь, 2004.
4. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 1989. Т.1.